

ОТКРЫВАЯ ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА ЗАНОВО...

Вострикова Екатерина Васильевна – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Докторант. Университет штата Массачусетс в Амхерсте. Амхерст, МА 01003, Соединенные Штаты Америки; e-mail: katerina-vos@mail.ru

Куслий Петр Сергеевич – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Докторант. Университет штата Массачусетс в Амхерсте. Амхерст, МА 01003, Соединенные Штаты Америки; e-mail: kusliy@yandex.ru

В данной статье предлагается философское осмысление проекта формального описания естественных языков. Данный проект восходит к идеям Г. Фреге, Б. Рассела и Л. Витгенштейна. Многие современные философы считают данный проект обреченным на неудачу, поскольку они полагают, что формализмы не способны отразить всей многоаспектности значения выражений естественного языка. Тем не менее существуют весомые аргументы в пользу того, что значение выражений строится по принципу композициональности и что существуют универсальные языковые принципы. Авторы выдвигают тезис о том, что данный проект вполне успешно может осуществляться на основе более современной формальной грамматики Монтегю.

Ключевые слова: формальная семантика, формальный синтаксис, философия языка, контекстуализм

REDISCOVERING THE LOGICAL ANALYSIS OF LANGUAGE...

Ekaterina Vostrikova – PhD in Philosophy, research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation. PhD student. University of Massachusetts (Amherst). Amherst, MA 01003, USA; e-mail: katerina-vos@mail.ru

Petr Kusliy – PhD in Philosophy, research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation.

This paper gives an overview of the project of formal description of natural languages and discusses the place and the prospects of this project in contemporary philosophy. This project goes back to the ideas of Frege, Russell and Wittgenstein, however many contemporary philosophers, especially in Russia, believe that it is doomed to failure, because any natural language is vague and context-dependent. The authors argue that Russian philosophy of language could benefit from familiarity with the ideas developed within contemporary formal semantics. In particular, the authors provide some illustrations that denounce some delusions about natural languages and the impossibility of their formal analysis. The authors provide examples of some universal restrictions in syntax (such as condition C of the Chomsky's theory of binding) to show that, despite some popular philosophical views, the nature of languages is not fully conventional and their grammars are restricted. The authors also discuss evidence from sign languages showing that they are not mere pantomimes and that their grammars are restricted in the same ways that the grammars of the spoken languages are restricted. The authors

PhD student. University of Massachusetts (Amherst). Amherst, MA 01003, USA; e-mail: kusliy@yandex.ru

present contemporary formal semantics of natural language as the modern version of the logical semantics originally developed by Frege, Russell, Tarski and others. They claim that the results of this discipline show that the conclusion that the logical analysis of natural language is a doomed project is not justified.

Keywords: formal semantics, universals in language, philosophy of language, contextualism

Классическая логическая семантика как неудавшаяся программа

Когда сегодня в отечественной эпистемологии или философии языка говорят о логическом анализе, то, чаще всего, подразумевают корпус работ таких логиков и философов, как Г. Фреге, Б. Рассел, Л. Витгенштейн, Р. Карнап, А. Тарский, А. Черч, У. Куайн, посвященных попыткам строгой логико-семантической интерпретации выражений естественного языка. Так, например, Фреге посвящает одну из главных своих работ по философии языка [Фреге, 2002a] исследованию семантики сложноподчиненных предложений, содержащих глаголы «думает», «полагает», «воображает». Б. Рассел начинал свои философско-языковые исследования с попытки экспликации значения естественно-языковых предложений, содержащих кванторные выражения («никто», «все»), а также так называемые определенные дескрипции (с его известным примером «современного короля Франции») [Рассел, 2002]. Данная философская программа нередко рассматривается как своего рода продолжение лейбнищевского проекта *lingua generalis* по построению универсального языка философии, ведь претензии многих представителей этого направления в философии шли гораздо дальше технической, по своей природе, задачи формального представления значения тех или иных выражений. Так, например, Р. Карнап с помощью логического анализа языка предлагал преодолевать метафизику [Карнап, 1998], Л. Витгенштейн говорил о границах языка как границах мира [Витгенштейн, 1994], У. Куайн и Н. Гудмен, а также представители Венского кружка во главе с М. Шликом на основании своих логико-философских штудий строили новую философию науки.

При этом также стихийно считается, что данный проект оказался неудачным, поскольку естественный язык в своей немалой части оказался неподдающимся строгому философскому анализу. С данной точки зрения, максимум, на что могли претендовать исследовавшие его логики, это строгая экспликация лишь отдельных его аспектов, осуществляемая для конкретных задач тех или иных дисциплин. Сама же идея представления какого-либо естественного языка как формальной системы символов, оперирующей на основе ограниченного набора правил, не воспринималась как реализуемая.

К тому же, и классики аналитической философии нередко придерживались сходного скептического мнения. Фреге в одной из своих ранних работ писал о том, что формальный язык формул в сравнении с повседневным языком подобен микроскопу по сравнению с глазом; микроскоп является лишь вспомогательным средством, способным выявить отдельные аспекты, ускользающие от глаза, более совершенного по широте своей применимости [Фреге, 2000b, с. 66]. Рассел считал одним из ключевых изъянов естественного языка то, что в нем кванторные выражения занимают в предложении место субъекта (конституенты) наряду с именами собственными и местоимениями, что, по его мнению, было несовместимым с тем значением, которым обладали кванторные выражения. В частности, на этом основании он прямо указывал: «Естественный язык не обладает никакой логикой» [Russell, 1957]. Программа Венского кружка по сведению языка всей науки к языку физики, который следовало соотнести с данными опыта посредством логико-семантических средств, потерпела неудачу, о чем писал сам Р. Карнап уже в 1932 г., ссылаясь на критику О. Нейрата [Карнап, 2006]. Развивавшаяся Карнапом впоследствии концепция логического эмпиризма [Карнап, 2000] подверглась известной критике со стороны У. Кайна [Quine, 1951], что, как иногда считается, положило конец классической аналитической философии языка, развивавшейся в первой половине XX в.

Постаналитическая философия языка и контекстуализм

Отход аналитической философии от экспликации значения языковых выражений посредством денотативной семантики осуществлялся параллельно с развитием новых теорий значения. В этих теориях значения естественно-языковых выражений стали эксплицироваться иными способами. Появилась концепция значения, понимаемого как следование правилу (а не в терминах интенционала и экстенционала). Будучи концептуально связанной с работами позднего Витгенштейна [Витгенштейн, 2000] и Г. Райла [Райл, 2000], она получила свое более полное выражение в так называемой философии обыденного языка (работы Дж. Остина, П. Стросона, П. Грайса, Дж. Серла). В этих работах ключевым критерием семантической оценки высказывания или его приемлемости высказываний стал контекст употребления, а не истина, понимаемая в терминах соответствия содержания высказывания некоей внеязыковой реальности, как это было в классической логической семантике [Тарский, 1998].

Тема контекстной зависимости как ключевого критерия семантической оценки высказываний проявилась и в так называемой постаналитической философии, выросшей из куайновской критики логического эмпиризма. В более поздних работах Куайна, Д. Дэвидсона и др. развивается холистское понимание языка как системы, связанной с эмпирической реальностью лишь периферийно, и поэтому детерминирующей значения составляющих ее выражений в терминах их согласованности друг с другом [Quine, 1969a, 1969b].

Уже в классической аналитической философии логико-языковой анализ неразрывным образом был связан с проблемами познания. Так, фрегевский пример Венеры как Утренней или Вечерней звезды и расселовские примеры с современным королем Франции и многие другие – их обсуждение имело не только формально-логическую, но и эпистемологическую значимость. В постаналитической философии трансформация в понимании значения оказала влияние и на эпистемологическую составляющую этой программы. Понятия непостижимости референции и неопределенности перевода в работах Куайна обусловили развитие понятия *концептуальной схемы*, целостной понятийной системы, присущей той или иной научной теории или констелляции теорий. Таким образом, в рамках этой традиции языковое выражение начинало обретать свой смысл лишь в контексте той более общей концептуальной схемы, в которой оно формулировалось.

Контекстная интерпретация языковых выражений в постаналитической философии породила сильнейший релятивистский тренд не только в области непосредственно языкового анализа, но и в области эпистемологии. Идея о возможности существования множества концептуальных схем и их принципиальной непереводаемости друг в друга гармонично сочеталась с гипотезой Сепира-Уорфа [Уорф, 1960a, 1960b] об относительности мышления и его зависимости от используемого языка, а также с идеей о множественности картин мира человека или науки.

Таким образом, начавшаяся некогда традиция строго языкового анализа естественно-языковых предложений трансформировалась на протяжении XX в. в эпистемологический релятивизм. Языковой анализ, восходящий к поздним работам Куайна, стал использоваться в эпистемологии повсеместно и, как отмечает И.Т. Касавин, сегодня «грозит даже поглотить всю эпистемологическую проблематику» [Касавин, 2011, с. 5]. Релятивистская эпистемология и философия языка были и остаются доминирующими не только в отечественной философской среде, но и в мире. В.А. Лекторский отмечает: «Релятивизм не только в современной философии, но и в культуре в целом кажется одержавшим победу <...> Сегодня многие философы – как в мире, так и в нашей стране – считают, что сегодня нельзя не быть релятивистом» [Лекторский, 2012].

В том же, что касается рассмотрения естественного языка как формальной системы, по-видимому, можно сказать, что в современной отечественной и мировой эпистемологии доминирующей является установка, согласно которой подобный проект является изначально обреченным на неудачу. Сторонники этой точки зрения считают, что естественный язык настолько богат и безграничен, что принципиально недоступен для формального анализа. Он представляется ими как отображение мира отдельного человека, а также более общей социальной реальности и поэтому не уступает им по своей сложности, богатству, многогранности, неуловимости и т. п.

И тем не менее: естественные языки как формальные системы

Рассуждения о языке релятивистски настроенных эпистемологов, как правило, красочны и интересны для чтения; они наполнены иллюстрациями из высказываний деятелей искусства и культуры; в них проводятся интересные параллели и делаются неожиданные сопоставления – всё это является ценным продуктом человеческой мысли, заставляющим читателя задуматься о многочисленных связях между языком, наукой, культурой, мировоззрением. Мы далеки от того, чтобы выступать с критикой этой традиции философствования.

Между тем хотелось бы обратить внимание, что ряд простых, но важных вопросов остается без прямого, методологически прозрачного ответа: почему, если язык столь разнообразен и безграничен, он так быстро осваивается детьми в возрасте 2,5–3 лет? Их словарный запас ограничен, они не понимают всей тонкости игры смыслами (последнее, правда, зачастую имеет место и со взрослыми), но, тем не менее, они оказываются способными довольно уверенно освоить грамматику языка, а к 6 годам синтаксис их речи вообще практически не отличается от синтаксиса речи взрослых. Почему мы понимаем предложения, произнесенные кем-то на нашем родном языке, даже если мы эти предложения никогда раньше не слышали (в том случае, разумеется, если нам известно значение слов, из которых оно составлено)? Такие предложения ведь представляют собой совершенно новую последовательность пусть и знакомых нам знаков. Как мы можем, обладая конечным сознанием и конечным запасом слов, формулировать бесконечно длинные грамматически корректные предложения (точнее, их длина будет обусловлена длительностью нашей жизни или готовностью заниматься подобным построением)? Вряд ли рассуждения бихевиористского толка или экспликации в терминах доверия собеседников друг другу, нередко до сих пор используемые современными эпистемологами, могут дать убедительный и прозрачный ответ на эти вопросы.

Простой и методологически понятный ответ они могут получить, если допустить, что грамматика естественного языка является ограниченной системой со строгой внутренней структурой. Именно эту структуру или систему правил, наряду с рядом лексем, осваивает ребенок, когда он осваивает язык. Именно появление у ребенка этой «ментальной грамматики» позволяет ему уверенно использовать собственный язык при ограниченном лексиконе. Данные идеи неоднократно излагались в работах Н. Хомского и развивались его последователями. Несмотря и на существующую их критику (в этой исследовательской области, как и в любой другой, идут дискуссии), методологическая ориентация на реабилитацию идеи о присутствии в естественных языках строгой внутренней структуры (грамматики) вполне очевидна, равно как и те основания, на которых эта реабилитация проводится. В результате наличия в языке рекурсивных правил люди оказываются способными формулировать бесконечно длинные предложения. В сочетании с идеей о том, что значение сложного выражения является производным от значения составляющих его простых выражений и правил их сочетания (принцип композициональности Фреге), рекурсивность системы грамматических правил, составляющих естественный язык, объясняет и способность людей понимать высказывания, которых они ранее не слышали.

С такого ракурса естественный язык представляется уже не чем-то безграничным, неуловимым и аморфным, а вполне ограниченной и внутренне организованной формальной системой или множеством систем (в силу существования различных языков и их диалектов). Ключевой особенностью естественных языков, как формальных систем, которая отличает их от всех других формальных знаковых систем, является ее доступность для освоения малолетним ребенком. Первопорядковая логика предикатов, по сравнению с естественным языком, не является сложной формальной системой, однако ее, в отличие от естественного языка, малолетний ребенок освоить не может.

Порой можно услышать возражения о том, что если бы родители этого ребенка говорили бы на языке логики предикатов первого порядка, то это делал бы и сам ребенок. В ответ на подобное возражение (которое на практике никем, насколько нам известно, не проверялось) можно привести известные случаи, когда естественные языки развивались самостоятельно, т. е. без копирования того языка, на котором говорило окружение. Один такой случай образования креольского языка на Гавайях описывает Р. Джекендоф [Jackendoff, 1994]. На островах, где в результате развития торговли и судоходства оказалось много людей разных национальностей и, соответственно, языков, возник пиджин (псевдоязык, используемый для обмена информацией представителями разных языков и поэтому не имеющий фиксированной синтаксической структуры и других атрибутов естествен-

ного языка, например, функциональных терминов (артиклей и др.)). Этим псевдоязыком пользовались оказавшиеся на островах взрослые для общения друг с другом. Дети же, общавшиеся дома со своими родителями на их родном языке, между собой развили пиджин в самостоятельный язык, в котором присутствовали синтаксические правила, был фиксированный порядок слов и функциональные термины. В развитом этими детьми языке присутствовали те же *ограничения на грамматическую структуру*, которые встречаются в других естественных языках, но которые, разумеется, были совершенно разными в тех языках, на которых эти дети говорили со своими родителями дома. В данном случае появление гавайского креольского языка не осуществлялось путем копирования языка того или иного авторитета (родителей), и, тем не менее, это был не язык первопорядковой логики предикатов (или чего-то подобного по своей простоте), а язык такого же типа, как и другие естественные языки.

Жестовые языки, распространенные среди людей с ограниченными возможностями слуха или речи, являются еще одной иллюстрацией идеи внутренней системности естественных языков. Жестовые языки, вопреки распространенному предубеждению, не являются пантомимой, основанной на конвенциях, хотя бы потому, что жесты, с помощью которых они артикулируются, являются лишь в ограниченной степени иконическими. Более того, жестовый язык, на котором общаются в той или иной местности, никак не связан своими структурными особенностями с используемым в этой же местности разговорным языком. Носитель американского жестового языка не поймет носителя британского жестового языка, хотя британский и американский английский крайне близки. При этом этот же носитель сможет понять человека, обращающегося к нему на жестовом языке, используемом в провинции Квебек (Канада), хотя американский английский и канадский французский совсем не близки.

Жестовые языки при этом являются полноценными естественными языками, отличающимися от разговорных языков лишь способом их артикуляции (т. е. особенностями фонологической структуры), но не принципами, регулируемыми синтаксис грамматически корректных предложений и их интерпретацию [Jackendoff, 1994]. Последние подчиняются тем же *ограничениям*, которые регулируют синтаксис и семантику разговорных языков.

Примеры структурных ограничений в естественных языках

Выше мы неоднократно говорили о сходствах в ограничениях на структуру, присутствующих в естественных языках, которые отличают их от других формальных знаковых систем. Данный вопрос является предметом исследования современной генеративной лингвистики и распространяется на разные ее области. Ниже мы приведем одну иллюстрацию того, о чем конкретно идет речь. Здесь рассмотрим некоторые примеры из синтаксиса, основывающиеся на содержании работ Н. Хомского¹.

К синтаксическим универсалиям, т. е. ограничениям на грамматическую структуру, присущим подавляющему большинству естественных языков (разговорных и жестовых), можно отнести, например, три принципа так называемой синтаксической теории связывания [Chomsky, 1981]. Рассмотрим один из них. Говоря на русском языке, мы даже не задумываемся о том, что, например, в предложении (1) местоимение «он» не может обозначать того же индивида, которого обозначает имя собственное (их коиндексация обозначает общность денотата, а звездочка в начале предложения – неграмматичность при данной индексации):

(1) *Он_i считает, что Саша_i умён.

При этом, разумеется, местоимения и имена собственные в грамматически корректных предложениях русского языка могут быть коиндексированными:

(2) Саша_i считает, что он_i умён.

Предложение (2) вполне может выражать мысль, согласно которой Саша считает себя умным. При этом разница между (1) и (2) не в линейном соотношении местоимения и имени собственного. В предложении (3), как и в неграмматическом (1), местоимение «он» предшествует имени собственному, однако (3) при данной индексации все же грамматично, в отличие от (1).

(3) Человек, которого он_i совсем не знал, думал, что Саша_i умён.

Интересно, что аналоги этих предложений в других языках демонстрируют те же самые закономерности. Данные примеры, иллюстрирующие так называемый принцип С теории связывания, показывают, что ограничения на коиндексирование имен собственных и личных местоимений присутствуют в языках и являются не линейными,

¹ Для более подробного обсуждения семантических универсалий см., например, [Von Stechow, 2008].

а структурными. Чтобы выразить их, необходимо допустить наличие определенной синтаксической структуры в каждом из этих предложений. И смысловая составляющая данных предложений находится в зависимости от этой синтаксической структуры: предложение (1), как ни крути, не может выразить мысль, которая с легкостью выражается в предложении (2). Иначе говоря, носитель русского языка, полагающий, что Саша считает себя умным, никогда не станет выражать эту мысль предложением (1).

«Хорошо забытая старая» повестка для логического анализа языка

Для ответа на вопрос о том, какие предложения того или иного естественного языка являются грамматическими, а какие нет, и какими значениями могут обладать грамматические предложения, а какими не могут, не требуется никаких особых профессиональных квалификаций: любой рефлексирующий носитель языка (или диалекта) скажем вам, что в его диалекте выразимо такими-то и такими-то предложениями, а что нет. Вопрос о том, как данные ограничения отображаются в синтаксисе соответствующего языка, исследуют специалисты в области синтаксиса. Они строят соответствующие структуры, выражающие грамматику данного языка. Однако, как синтаксисты, они не могут предложить строгую композициональную интерпретацию открываемых и выражаемых ими синтаксических структур.

Для того, чтобы показать, как именно каждое предложение (обладающее такой-то структурой) пошагово обретает то значение, которым, по сообщениям носителей языка, оно обладает, требуются отдельные компетенции в области логической семантики и философии языка. И именно здесь взаимодействие философов, логиков и лингвистов оказывается наиболее продуктивным, позволяя специалистам по семантике (формальной теории смысла) не только позитивно влиять на концепции на концепции друг друга, но и открывая для них новые исследовательские горизонты.

На сегодняшний день формальная семантика естественного языка, начатая как проект в работах Р. Монтегю [Montague, 1970, 1973], преодолевшего ряд фундаментальных проблем, обсуждавшихся Фреге и Расселом, стала одним из ведущих направлений не только в области формального языкознания, но и в области философии языка. Опираясь на фундаментальные работы Фреге, Рассела, Витгенштейна, Тарского, Карнапа, Черча, Куайна и других логиков и философов, представители формальной семантики (лингвисты, логики и философы) показали, насколько продуктивным может быть применение формального логико-семантического аппарата к естественно-языковому материалу.

С помощью такого аппарата, разработанного в рамках данной традиции, было проинтерпретировано значительное число репрезентативных фрагментов разных естественных языков. Эта работа показала (и продолжает показывать) не только то, что сложные синтаксические конструкции, присущие естественно-языковым предложениям, могут последовательно и наглядно обретать именно то значение, которое ему приписывают носители языка (и никакое другое), но и то, как именно это происходит.

Перспективы данной исследовательской программы интересны и для эпистемологии, поскольку (с опорой на эмпирически фиксируемую языковую практику) позволяют понять то, как именно люди говорят и думают о мире. Исследования в этой области способны показать, что функционирование естественных языков как формальных систем, а следовательно, и те способы, по которым выражения естественных языков обретают свое значение, поддаются строгому научному исследованию.

Также, по нашему мнению, эти исследования демонстрируют, что значимость ряда постулатов современной релятивистской эпистемологии о непостижимости референции, неопределенности перевода и т. п. является чрезмерно раздутой без достаточных на то оснований. Переоткрытие логико-семантического анализа для интерпретации выражений естественных языков во взаимодействии с результатами современной лингвистики позволяют вдохнуть новую жизнь в концепции классиков аналитической философии, а также могут сделать современные исследования в области философии языка менее оторванными от реальной языковой практики.

Список литературы

Витгенштейн, 1994 – *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I / Сост., вступ. ст., примеч. М.С. Козловой. Пер. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. 612 с.

Карнап, 1998 – *Карнап Р.* Преодоление метафизики логическим анализом языка // Аналитическая философия: становление и развитие (антология) / Ред. А.Ф. Грязнов. М.: Дом интеллектуал. кн.; Прогресс-Традиция, 1998. С. 69–89.

Карнап, 2000 – *Карнап Р.* Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. Биробиджан: Тривиум, 2000. 140 с.

Карнап, 2006 – *Карнап Р.* О протокольных предложениях // *Epistemology and Philosophy of Science* / Эпистемология и философия науки. 2006. Т. 7. № 1. С. 219–231.

Касавин, 2011 – *Касавин И.Т.* Познание и язык // *Epistemology and Philosophy of Science* / Эпистемология и философия науки. 2011. Т. 30. № 4. С. 5–15.

Лекторский, 2012а – *Лекторский В.А.* Предисловие // Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: ИФ РАН, 2012. С. 3–4.

Райл, 2000 – *Райл Г.* Понятие сознания / Пер. с англ. Общ. ред. В.П. Филатова. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуал. кн., 2000. 408 с.

Рассел, 2002 – *Рассел Б.* Об обозначении // Язык, истина, существование / Сост. В.А. Суровцев. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2002. С. 7–22.

Тарский, 1998 – *Тарский А.* Семантическая концепция истины и основания семантики // Аналитическая философия: становление и развитие (антология) / Ред. А.Ф. Грязнов. М.: Дом интеллектуал. кн.; Прогресс-Традиция, 1998. С. 90–129.

Уорф, 1960а – *Уорф Б.Л.* Наука и языкознание // Новое в лингвистике. Вып. I. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. С. 174–175.

Уорф, 1960б – *Уорф Б.Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. I. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. С. 135–168.

Фреге, (1879) 2000б – *Фреге Г.* Исчисление понятий, язык формул чистого мышления, построенный по образцу арифметического // Фреге Г. Логика и семантика / Пер. с нем. Б.В. Бирюкова. М.: Аспект-Пресс, 2000. С. 65–142.

Фреге, 2000а – *Фреге Г.* О смысле и значении // Фреге Г. Логика и логическая. М.: Аспект-Пресс, 2000. С. 230–246.

Chomsky, 1981 – *Chomsky N.* Lectures on Government and Binding. Dordrecht: Foris Publications, 1981. 371 p.

Jackendoff, 1994 – *Jackendoff R.* Patterns In The Mind: Language And Human Nature. N. Y.: Basic Books, 1994. 246 p.

Montague, 1970 – *Montague R.* English as a Formal Language // Linguaggi nella società e nella tecnica / Ed. by B. Visentini et al. Milan: Edizioni di Comunità, 1970. P. 189–224.

Montague, 1973 – *Montague R.* The proper treatment of quantification in ordinary English // *Approaches to Natural Language* / Ed. by K.J.J. Hintikka, J.M.E. Moravcsik, and P. Suppes. Dordrecht: Reidel, 1973. P. 221–242.

Quine, 1951 – *Quine W.V.* Two dogmas of empiricism // *Philosophical Review*. 1951. Vol. 60. No. 1. P. 20–43.

Quine, 1969а – *Quine W.V.* Ontological Relativity // *Quine W.V. Ontological Relativity and Other Essays*. N. Y.: Columbia University Press, 1969. 165 p.

Quine, 1969b – *Quine W.V.* Epistemology Naturalized // *Ontological Relativity and Other Essays*. N. Y.: Columbia University Press, 1969. 165 p.

Russell, 1957 – *Russell B.* Mr. Strawson on Referring // *Mind*. 1957. Vol. 66. No. 263. P. 385–389.

Von Fintel, Matthewson, 2008 – *Von Fintel K., Matthewson L.* Universals in semantics // *The Linguistic Review*. 2008. No. 25. P. 139–201.

References

- Analiticheskaya filosofiya: stanovlenie i razvitie (antologiya)* [Analytical Philosophy (Antology)]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 1998, pp. 90–129. (In Russian)
- Carnap R. Preodolenie metafiziki logicheskim analizom yazyka [The elimination of metaphysics through logical analysis of language]. In: A.F. Gryaznov (ed.) *Analiticheskaya filosofiya (antologiya)* [Analytical Philosophy (Antology)]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 1998, pp. 69–89. (In Russian)
- Carnap R. *Znachenie i neobkhodimost'*. *Issledovanie po semantike i modal'noy logike* [Meaning and necessity]. Birobidzhan: Trivium Publ., 2000. 140p. (In Russian)
- Carnap, R. O protokol'nyh predlozheniyah [Über Protokollsätze]. *Epistemology and Philosophy of Science*, 2006, vol. 7, no. 1, pp. 219–231. (In Russian)
- Chomsky N. *Lectures on Government and Binding*. Dordrecht: Foris Publications, 1981. 371p.
- Frege G. Ischislenie ponyatiy, yazyk formul chistogo myshleniya, postroenny po obraztsu arifmeticheskogo [Begriffsschrift: eine der arithmetische nachgebildete Formelsprache des reinen Denkens]. In: G. Frege. *Logika i logicheskaya* [Logic and logical semantics]. Moscow: Aspekt-Press, 2000, pp. 65–142. (In Russian)
- Frege G. O smysle i znachenii [On sense and denotation]. In: G. Frege. *Logika i logicheskaya semantika* [Logic and logical semantics]. Moscow: Aspekt-Press, 2000, pp. 230–246. (In Russian)
- Jackendoff R. *Patterns in the Mind: Language and Human Nature*. New York: Basic Books, 1994. 246 p.
- Kasavin I.T. Poznanie i yazyk [Cognition and language]. *Epistemology & Philosophy of Science*, 2011, vol. 30, no. 4, pp. 5–15. (In Russian)
- Lektorski V.A. Foreword. In: V.A. Lektorski (ed.) *Relativism, pluralism, criticism: epistemological analysis*. Moscow: RAS Institute of Philosophy Publ., 2012, pp. 3–4. (In Russian)
- Montague R. English as a Formal Language. In: Visentini, Bruno et al. (eds.). *Linguaggi nella società e nella tecnica*. Milan: Edizioni di Comunità, 1970, pp. 189–224.
- Montague R. The proper treatment of quantification in ordinary English. In: K.J.J. Hintikka, J.M.E. Moravcsik, and P. Suppes (eds.). *Approaches to Natural Language*. Dordrecht: Reidel, 1973, pp. 221–242.
- Quine W.V.O. Ontological Relativity. In: W.V.O. Quine. *Ontological Relativity and Other Essays*. N.Y.: Columbia University Press, 1969, pp. 26–68.
- Quine W.V.O. Two dogmas of empiricism. *Philosophical Review*, 1951, vol. 60, no. 1, pp. 20–43.
- Quine, W.V.O. Epistemology Naturalized. In: W.V.O. Quine. *Ontological Relativity and Other Essays*. N.Y.: Columbia University Press, 1969, pp. 69–90.
- Russell B. Mr. Strawson on Referring. *Mind*, 1957, vol. 66, no. 263, pp. 385–389.
- Russell B. Ob oboznachenii [On denoting]. In: *Yazyk, istina, suschestvovanie* [Language, truth, existence]. Tomsk: Tomsk State Univ. Publ., 2002, pp. 7–22. (In Russian)
- Ryle G. *Ponyatie soznaniya* [The Concept of Mind]. Moscow: Ideya-Press, 2000, 408p. (In Russian)

Tarski A. Semanticheskaya kontseptsiya istiny i osnovaniya semantiki [The semantic conception of truth and the foundations of semantics]. In: Gryaznov A.F. (ed.) *Analiticheskaya filosofiya (antologiya)* [Analytical Philosophy (Antology)]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 1998, pp. 90–129. (In Russian)

Von Fintel K., Matthewson L. Universals in semantics. *The Linguistic Review*, 2008, no. 25, pp. 139–201.

Whorf B.L. Nauka i yazykoznanie [Science and linguistic]. In: *Novoe v lingvistike* [New in linguistics], vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury Publ., 1960, pp. 174–175. (In Russian)

Whorf B.L. Otnoshenie norm povedeniya i myshleniya k yazyku [The relation of habitual thought and behavior to language]. In: *Novoe v lingvistike* [New in linguistics], vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury Publ., 1960, pp. 135–168. (In Russian)

Wittgenstein L. Tractatus logico-philosophicus. In: L. Wittgenstein. *Filosofskiy trudy* [Philosophical Papers], part 1. Moscow: Gnozis Publ., 1994. 612p. (In Russian)